

Лучшие детские писатели

МАРИНА БЕРЕСТОВА

Скажите, пожалуйста! — дочь родилась

В. Берестов с дочкой и внучкой

Дорогие друзья!

1 апреля 2008 года исполняется 80 лет со дня рождения Валентина Дмитриевича Берестова — чудесно и разнообразно одаренного человека. Талантливый поэт, писатель, историк, археолог, Валентин Дмитриевич оставил по себе добрую и долгую память.

Публикуемые сегодня впервые воспоминания дочери В.Д. Берестова — большая радость и честь для нашего журнала!

Пользуясь случаем, сердечно благодарим Марину Валентиновну Берестову, Берестовский центр Российской государственной детской библиотеки, неустанно и кропотливо сохраняющий память об этом пленительном человеке, лично Наталью Ивановну Соляник, Веру Геннадиевну Семенову, Людмилу Николаевну Торохину, Зинаиду Юрьевну Присталову, а также М.С. Андрееву и М.П. Короткову, рассказавших нам о деятельности Берестовского центра, за предоставленную нам возможность познакомить читателей нашего журнала с уникальными воспоминаниями.

*Бой часов показался мне громом салюта.
Я поверил, что есть на земле чудеса.
Нашей дочери стукнуло в эту минуту —
Вы подумайте! — двадцать четыре часа.*

Так писал папа в своем стихотворении «Дочери». Там были еще и такие строчки:

*Может, если б отца ты сама выбирала,
Ты б другого, получше, чем я, пожелала.
Но не зря не дана тебе выбора власть...*

Я могу со всей уверенностью сказать, что даже если бы эта власть выбора мне была дана, я выбрала бы только своего папу.

Папа рассказывал такую историю, связанную с моим рождением.

В день смерти Сталина родители были под Москвой, в Химках, где они в то время снимали комнату. В день похорон они, как многие тогда, пытались добраться до Москвы. Накануне вечером к ним приехал из Ленинграда мамин средний брат Игорь со своей будущей женой Галей. Они ехали без билетов, по пятнадцать человек в купе. В Москву их не пустили, так что они высадились в Химках и пошли к моим родителям.

На следующий день все четверо пешком отправились в Москву. Дойти им удалось только до Каменного моста. Из громкоговорителей слышались похоронные речи. Вокруг все рыдали.

В какой-то момент люди вокруг стали толкаться, мои родители и дядя с тетей оказались зажатыми среди рыдающей толпы. Казалось, что выйти оттуда живыми будет невозможно. Папа рассказывал мне, что именно тогда он и подумал:

«Как же так? Ведь у меня еще и ребенка нет...»

В конце концов им удалось выбраться из этой толчеи. А месяцев через девять после этого родилась я.

Во всех документах написано, что родилась я в городе Химки Московской области, хотя в Химках я жила всего несколько дней. Впоследствии, каждый раз, когда мы проезжали мимо Химок, папа мне говорил: «Вот — твоя Родина».

А проезжать приходилось со временем довольно часто, потому что Химки как раз по дороге в «Шереметьево-2», место, с которого в последние 25 лет начинаются почти все мои встречи с Москвой.

В том же стихотворении «Дочери» папа писал:

*Я ведь сына хотел, выбрал имя —
Никита.
И — скажите пожалуйста! — дочь
родилась.*

Имени у меня какое-то время не было. Потом Агния Барто предложила имя Оксана. Она даже подарила мне книжку с подписью «Оксаночке Берестовой в день ее рождения».

Когда мы с мамой вернулись домой из больницы, приехал из города Энгельса дедушка Леня, мамин отец. Он сказал папе:

«Какая же это Оксана? Ты посмотри на нее — это же типичная Маринка».

Папа посмотрел и говорит:

«И в самом деле — Маринка».

Ксаной, только уже не Оксаной, а Ксенией, Барто все-таки назвала через пару лет Ксану Дмитриеву, мою дорогую с детства подругу, дочь писателя Леонида Лиходеева. Так что все остались довольны.

Папа обычно пользовался всевозможными сокращениями моего имени. Просто Мариной он меня называл крайне редко, только когда из-за чего-нибудь сердился.

А вот Мариной Валентиновной он любил меня называть. Книжки иногда подписывал: «Глубокоуважаемой Марине Валентиновне». А художник Май Митурич меня вообще звал Маринованная Валентина.

Дедушка посмотрел на комнату, в которой ютились мои родители, на щели в полу, сквозь которые проникал январский ветер, сказал, что ребенку здесь нельзя оставаться, и забрал нас с мамой в Энгельс.

В Энгельсе я появилась девяти дней от роду, меня встретили молодая бабушка и тринадцатилетний дядя. И папа и мама были старшими детьми в семье, так что я оказалась первой внучкой и племянницей:

*Вся родня обновляет понятия, как
платье:*

*С той минуты, как ты появилась
на свет,*

*Стали тетями сестры и дядями —
братья,*

*Мамы сделались бабками, прадедом —
дед.*

*Превращенье такое решился б назвать я
Повышением в чине за выслугу лет.*

Младшему дяде, папиному брату Толику, когда я родилась, было всего шесть лет, но и его уже повысили в чине.

Похожая история повторилась через 22 года, когда родился мой сын Рауль, у которого было несколько малолетних дядюшек и тетюшек. Одна такая шестилетняя тетюшка, когда ей сказали:

«Вот, Оля, теперь ты — тетя», — страшно возмутилась:

«Как это тетя? Я ведь еще девушкой не была!»

Младшая тетя, дочь Толи Берестова, родилась на несколько месяцев позже Рауля. Тогда я спросила у папы, почему это у всех трех братьев Берестовых по дочке?

«Это мы такие нежные», — объяснил мне папа.

Папа приехал в Энгельс, когда мне уже было месяца четыре. Меня по такому поводу разбудили и представили папе.

«Очень ты мне понравилась», — говорил папа.

Хоть папа был не готов к рождению дочери, я показалась ему каким-то чудом. Он на меня смотрел и удивлялся. Папа заранее решил, что глаза у меня будут черными, как у мамы. Потом он часами разглядывал мои зеленые глаза, разговаривал и играл со мной, а сам думал:

«Красавица! Ни у кого такой дочери нет».

Вполне обыкновенные мысли для любого отца. Папа мне это потом рассказывал почему-то всегда шепотом: девочкам нельзя было говорить ничего такого, чтобы не испортить.

У Маршака даже есть стихи на эту тему. Все вокруг говорят: «Как эта девочка мила!» — а бедная ее мама ей объясняет, что «не про тебя, а про сапожки твои, должно быть, говорят» или что «им очень нравятся цветочки на новой кофточке твоей». Но в конце концов мама не выдерживает и говорит всем, что довольно «калечить собственную дочь».

Папа совсем не хотел меня калечить, но и сдержать своего восторга он тоже не мог.

Мой сын, некоторое время назад став отцом, позвонил мне из Аризоны через полчаса после рождения моей внучки Алины.

«Она — красавица, мама!» — кричал он в трубку.

Алину он держал в это время на руках, он даже и не знал, что при детях раньше таких слов произносить было нельзя.

В 1992 году, поздравляя меня с днем рождения, папа писал: «Твой день рождения для меня, бедного аспиранта и начинающего стихотворца, был чем-то вроде второго рождения».

Меня привезли назад из Энгельса, когда я только начала ходить. Папа тогда учился в аспирантуре.

Он мне рассказывал, что ставил меня в самый дальний угол комнаты, и, пока я медленно шла к нему, писал диссертацию. Когда я подходила совсем близко, папа прекращал писать, подбрасывал меня к потолку, а потом ставил во все тот же угол и садился писать дальше.

Со временем я научилась ходить быстрее, может быть, поэтому папа так никогда и не дописал свою диссертацию.

Самое мое первое воспоминание о папе — как он меня встречает на вокзале в Москве. Родители долго снимали жилье в разных уголках Подмосковья, а меня часто отправляли к бабушке и дедушке в Энгельс.

И вот мы с бабушкой подъезжаем на поезде к Москве. С перрона кто-то машет рукой, в купе входят какие-то незнакомые люди. Я крепче хватаюсь за бабушку, с которой я провела столько времени, что уже спрашивала: «Бабуленька, ты моя мама?»

Моя настоящая мама встает на корточки, протягивает ко мне руки. В этот момент я смотрю вверх и подпрыгиваю: там, наверху, блестят знакомые очки, на меня смотрят смеющиеся счастливые глаза.

«Папа!» — вскрикиваю я. Папа берет меня на руки и поднимает над головой, чуть не задев верхнюю полку. Он полностью разделяет мою радость.

Как-то мы с папой остались одни, и он решил в виде эксперимента разрешить мне делать все, что я хочу. Конфеты вместо каши? — Пожалуйста! Хочешь играть, когда надо спать? — Играй на здоровье!

Когда я все-таки легла в постель, то сбросила на пол подушку, которую папа без разговоров поднял.

«Ты бы меня хоть отшлепал», — в конце концов предложила я сама.

Маме после таких экспериментов приходилось затем целую неделю меня перевоспитывать.

Детские стихи папа начал писать для меня, и очень скоро он стал известным детским поэтом, книги которого печатались огромными тиражами. Как говорил Чуковский: «Румяная дочь Марина по малости лет еще не понимала, что, вдохновляя Берестова на писание детских книжек, она кормит семью и отнимает бумагу у старика Чуковского».

С той памятной поры папа и остался для многих только детским поэтом. Папе это совсем не нравилось: «Детский, женский, стариковский... Просто поэт, и все!»

В 1992 году папа писал мне в одном из писем: «Меня преследует слава детского поэта, хотя я лет 20 почти ничего не пишу для детей, во всяком случае, по собственной охоте».

А вот письмо 1995 года: «Умер прекрасный писатель Юра Коваль. Перелом в стране выбил его из колеи. Ведь детская литература как замкнутая сфера деятельности — это нелепость. Я давно это понял. Она была нужна, чтобы писатели могли укрыться в эту добрую и веселую гавань. А теперь укрываться не от чего, пиши, что и для кого хочешь. И я с тревогой смотрю на моих приятелей, пожелевших остаться детскими. Писать нужно для всех, а если нравится детям, то прекрасно».

Папа считал детство самым важным периодом в жизни человека. В год моего рождения он написал «Сердцевину»:

*Как-то в летний полдень на корчевье
Повстречал я племя пней лесных.
Автобиографии деревьев
Кольцами написаны на них.*

*Кольца, что росли из лета в лето,
Сосчитал я все до одного:
Это — зрелость дерева, вот это —
Юность тонкоствольная его.*

*Ну а детство где же? В середину,
В самое заветное кольцо,
Спряталось и стало сердцевинной
Тонкое смешное деревцо.*

*Ты — отец. Так пусть же детство сына
Не пройдет перед тобой как сон.
Это детство станет сердцевинной
Человека будущих времен.*

Передо мной лежит копия этого стихотворения с комментарием редактора: «Мне кажутся искусственно связанными пни, кольца на них и отцовство. Нет ощущения, что стихи написаны в наше время».

Ничего искусственного в связи годовых колец дерева и детства я не вижу, а вот насчет того, что стихи как будто написаны не в наше время, я полностью согласна с редактором. Папа вообще казался человеком из другого времени.

Несколько раз совершенно разные люди говорили мне, что похоже, будто папа воспитывался в какой-нибудь дворянской семье — настолько он был образован, раскован и не похож на людей, живущих рядом с ним.

«Сердцевина», несмотря на замечания редактора, все же была напечатана. Она вошла в сборник «Мое любимое стихотворение».

В 1967—1969 годах папа написал много стихов о детстве. Он буквально каждый день читал мне новые, только что написанные стихи, и почти все они были о детстве. «Дайте до детства сезонный билет», — шутил папа сам про себя.

В 1968 году он написал стихотворение «Любили тебя...», которое с тех пор стало его самым любимым стихотворением:

*Любили тебя без особых причин,
За то, что ты внук, за то, что ты сын,
За то, что малыш, за то, что растешь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.*

«Конечно, это все знают, это прямо на улице валяется. А вот Валя не боялся это поднять», — сказал Наум Коржавин.

Папа написал «Любили тебя...» в трудное для него время, когда он «жизнь свою решил начать сначала». В самые тяжелые моменты жизни он обращался к детству, которое навсегда осталось его «тайной опорой».

Еще из одного письма 1995 года: «Я очень редко цитирую и пользуюсь мировыми образами. Тайный сюжет моих стихов выдаю одной тебе: «Напишу-ка я то, что забыли или не успели написать классики»».